

Мы — русские!
СУВОРОВ

Георгий Михайлович Гупало Мы – русские! Суворов: Жизнь, слова и подвиги великого русского полководца А.В. Суворова

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828366

Мы – русские! Суворов : Жизнь, слова и подвиги великого русского полководца А.В. Суворова : [сборник] / [сост. Г.М. Гупало]. – Изд. 3-е.:

ДАРЪ; Москва; 2015

ISBN 978-5-485-00514-6

Аннотация

За исторической личностью мы часто не видим живого человека, ограничиваясь словами «великий, выдающийся». Именно в афоризмах и историях из жизни можно увидеть, каким удивительным человеком был великий русский полководец Александр Васильевич Суворов, и что именно делало его великим: его любовь к Отечеству, сочетание строгости и милосердия к солдатам и благородство по отношению к побежденному врагу. Книга, написанная простым и доступным языком, будет интересна читателям любого возраста,

интересующимся военной историей России и личностью прославленного полководца.

Содержание

От составителя	7
Суворов	10
Предисловие автора	13
Суворов мальчик и солдат	16
Первый поход	24
В Польше и в Турции. Взятие Туртукая	32
Усмирение пугачевского бунта. Как Суворов учил солдат	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Мы – русские! Суворов:
Жизнь, слова и подвиги
великого русского
полководца А.В. Суворова
Автор-составитель:
Г.М. Гупало**

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС 12-204-0272

От составителя

Подлинным гением военного искусства своего времени стал Александр Васильевич Суворов: великолепный тактик, разработчик новых способов ведения боя. Победитель в 60 битвах, непревзойденный мастер войны, не знавший поражений, он мог бы на равных сражаться с Наполеоном, если бы ему представился такой случай. Заслуги его перед Россией неоспоримы, и имя Суворова не забыто на протяжении нескольких столетий вплоть до наших дней. Суворов был не только талантливым полководцем, но обладал также широкими литературными и дипломатическими способностями. В данном сборнике генералиссимус предстает перед нами как разносторонняя личность: грозный и решительный воин, но также глубоко верующий и религиозный человек, сентиментальный и любящий отец, остроумный и веселый собеседник. Истинный патриот Отечества Суворов может с полным правом служить образцом для детей и юношества, которым данный сборник и адресуется.

Мы предлагаем вашему вниманию редкую исследовательскую работу Петра Николаевича Краснова «Суворов», вышедшую в 1900 году к 100-летней годовщине смерти фельдмаршала. Атаман Краснов был личностью неординарной, безусловно интересной и неоднозначно оцениваемой современниками и потомками. Как историческая фигура он уже

занял свою нишу в истории России. Мы надеемся, что это замечательное произведение даст возможность читателям узнать Краснова с другой, не слишком известной стороны – как писателя, создателя множества интересных исторических и художественных произведений.

Помимо этого, в сборник вошли «День генералиссимуса Суворова» М.И. Пыляева, письма, афоризмы Суворова и некоторые истории из его жизни.

Снигирь

Что ты заводишь песнь военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,

Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсяду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

Г.Р. Державин

Суворов

П.Н. Краснов

Горжусь тем, что я Россиянин!

А.В. Суворов

Предисловие автора

С необыкновенным вниманием весь мир в настоящее время следит за кровопролитной войной на юге Африки, где борются за самостоятельность буры с англичанами. Маленькое государство – Трансвааль – почти без войска защищается от многих тысяч прекрасно вооруженных английских солдат и одерживает над ними победы¹. Буры побеждают потому, что их воины родились и выросли в походах и на войне, умеют хорошо стрелять и ездить верхом, английские же солдаты изнежены, подготавливались лишь для парадов и смотров, учились не тому, что нужно знать военному человеку.

Сто пятьдесят лет назад и наши войска были подобны английским – прекрасны по мундиру и плохи по обучению. Случись тогда серьезная война – и тяжело пришлось бы нашему солдату. Тогда, сто с лишним лет назад, в царствование дочери Петра Великого Елизаветы Петровны, и потом, при императоре Петре III и в первые годы царствования императрицы Екатерины II, солдаты были как куклы. Первым делом учили солдата убирать себе в косицу и пудрить волосы да щегольски одеваться. На маршировки, чтобы солдаты

¹ П.Н. Краснов имеет в виду англо-бурскую войну (1899–1902), в которой фермеры-повстанцы – буры (от нидерл. *boere* «крестьяне») – вели войну за независимость от Великобритании двух южноафриканских колоний: Трансвааля и Оранжевой республики. После поражения государства буров были аннексированы (т. е. присоединены) Великобританией.

не гнули ног, им подвязывали под колени лубки. Если такой солдат падал, то он сам, без посторонней помощи, и встать не мог. В некоторых полках для обучения солдат прямо держаться их завинчивали на несколько часов в особый станок. Обращались с солдатами грубо и жестоко. Палка от зари до зари гуляла по солдатским спинам. Исправным унтер-офицером и офицером считался тот, кто более дрался. От солдата требовали, чтобы он был весь вытянут, чтобы оружие его блестело. Тесак, как огонь, горит, а самый нож его заржавел, ружье начищено, словно оно серебряное, а стрелять из него нельзя. На параде такое войско выглядит прекрасно, но на войне оно никуда не годится. Стянутые солдаты не могут переходить большие расстояния, а стрельба их не приносит неприятелю вреда.

А между тем это были годы, когда Россия устраивалась. Нам предстояло покорить Кавказ, отнять у крымского хана Крым, не раз померяться силами с турками да прибрать к своим рукам Польшу, к которой подбирались австрийцы и немцы. Для этого нужно было хорошо обученное войско, способное для войны. Нужны были солдаты, умеющие стрелять, делать большие переходы с места на место, не уставая, потому что железных дорог тогда и в помине не было. Такие солдаты всегда дороги, и теперь англичане очень бы желали иметь человека, который сумел бы обучить их войско так, как обучено наше. И тогда нужно было, чтобы кто-нибудь показал, чему нужно учить солдата, чтобы он был храбр на

войне и умел побеждать.

И такой человек у нас на Руси нашелся. В среде русских военных людей появился генерал, который говаривал, что в мирное время надо солдата учить тому, что потребуется от него на войне, и сам так и учил солдат.

Солдаты полюбили его, поняли его нехитрую «науку побеждать» и вместе с ним ходили добывать русскую славу. Он покорил Польшу, брал у турок неприступные крепости и, наконец, позднею осенью с боем перешел крутые и высокие горы в Италии. Он учил солдат так верно и просто, что вот сто лет прошло с тех пор, мундиры, ружья, сабли много раз изменились, стали лучше, а нет-нет, обучая солдат, мы вспомним, как он учил. Он умер сто лет назад. Но душа его, его учение, русское сердце его живы в нашем войске и в русском народе и сейчас. И когда хотим мы похвалить молодцов-солдат за молодецкий переход, за меткую стрельбу, мы говорим: «Суворовские чудо-богатыри!», «Эка суворовский переход отмахали», «По-суворовски дрались!»... Говорим так потому, что этого человека, научившего наших солдат победам, воевавшего за славу России, звали **Александром Васильевичем Суворовым.**

Суворов мальчик и солдат

Александр Васильевич Суворов родился в 1730 году в семье русского генерала Василия Ивановича Суворова. Мы не знаем точно, где он родился. Одни говорят, что в Москве, другие называют его родиною Финляндию. Мальчиком он был хил и слаб и не отличался крепким здоровьем. Отец не готовил его в военную службу. Но еще ребенком маленький Суворов любил читать про давнишние войны, любил рассказы о сражениях и усердно занимался военными науками. Отец не мешал ему в его занятиях, но не придавал им никакого значения. Однажды к нему зашел его приятель, старый генерал Ганнибал. Дело было в деревне.

– Ну, что Саша? – спросил Ганнибал отца Суворова.

– И не говори мне про него, – с досадой ответил старик, – просто не знаю, что из него выйдет. Все сидит за книгами, читает, пишет, бредит солдатами... А какой он солдат! Сам посуды. Маленький, тощий...

– А надо посмотреть его, – сказал Ганнибал и прошел в классную маленького Суворова.

Ганнибал был боевым генералом. Он помнил походы Пет-

ра Великого, в которых и сам принимал участие.

Он обласкал мальчика, и Александр показал ему свои чертежи и книги. А книги были не по летам серьезные. Ганнибал разговорился с Суворовым и увидел, что мальчик отлично понимал все, что читал, и мечтал стать военным. Задумчивый вернулся старый генерал к отцу Суворова и по душам переговорил с ним. Этот разговор решил участь Александра – он поступил на военную службу.

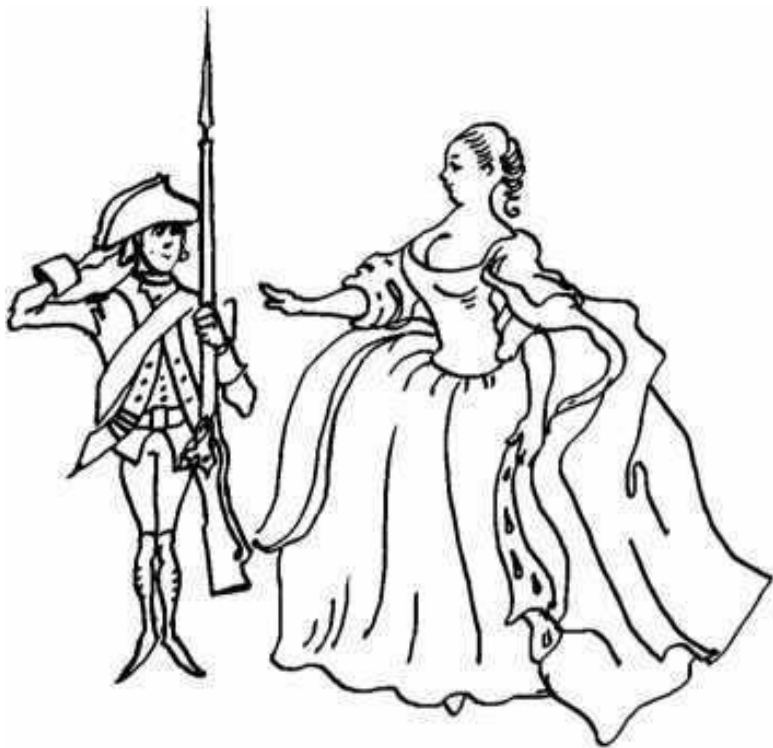
В те времена на службу записывали детей в двух-трехлетнем возрасте. Они считались солдатами в полках, но, конечно, не служили, а жили у родителей.

А между тем им шли чины, и к тому времени, как они подрастали, они были уже офицерами, не зная солдатского житья. Но Суворов служил не так. Пятнадцатилетним юно-

шей он поступил рядовым в Семеновский полк и добросовестно потянул солдатскую лямку.

Дисциплина – мать победы.

Он никогда не нанимал за себя солдат, но все делал сам. Сам чистил себе платье и оружие и особенно занимался ружьем, которое называл своею женой. Солдатская наука давалась ему легко. И особенно он любил караульную службу, потому что в карауле солдат как на войне – жизнью своей отвечает за свой пост и может в случае нужды употребить в дело оружие. И когда приходилось ему стоять на часах, он твердо помнил свои обязанности и не зевал по сторонам.

Случилось ему однажды стоять на часах у Монплезира в Петергофе. Как раз в это время по парку гуляла императрица Елизавета Петровна. Молодцом отошел к своей будке мальчик-солдат и лихо отчеканил «на караул». Императрице понравился бравый часовой, она подошла к Суворову и спросила, как его зовут.

– Александр Суворов, Ваше Императорское Величество, – бойко ответил Суворов.

– Не Василия Ивановича ли сын? – спросила императрица, знавшая отца Суворова.

– Его самого, Ваше Императорское Величество, – ответил молодой солдат, бойко держа ружье перед собой.

– Молодец сын у Василия Ивановича, – проговорила императрица, – на вот тебе рубль от меня на память.

– Покорно благодарю Ваше Императорское Величество, – твердо проговорил юноша, – но взять рубля не могу. Часовому запрещено принимать от кого бы то ни было подарки.

– Молодец, – сказала государыня, – знаешь службу, – потрепала Суворова по щеке и пожаловала поцеловать свою руку. – Я положу рубль здесь на земле, – прибавила она, – как сменишься – так возьми.

Рубль этот Суворов хранил всю свою жизнь.

Девять лет провел Суворов в Семеновском полку в солдатском звании. Он последовательно производился в капралы, что теперь соответствует ефрейтору, потом в подпрапорщики, затем в сержанты, и, наконец, 15 апреля 1754 года был произведен в офицеры.

Но эти девять лет солдатской службы не прошли для Суворова напрасно. Он полюбил солдат, и солдаты полюбили его. Он научился говорить таким простым языком, что самую мудреную штуку мог легко и быстро объяснить самому непонятливому солдату.

И офицером он не бросал своих занятий – он старался большему научиться, больше узнать...

Непрестанная наука из чтений!

Так постепенно в мирные годы накапливал Суворов знания, чтобы воспользоваться ими на войне.

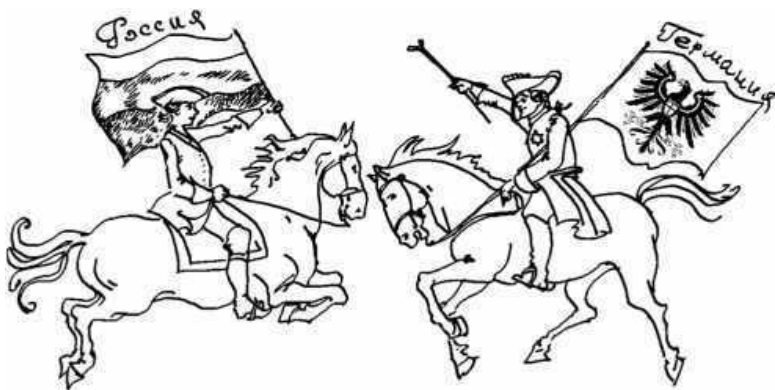
Первый поход

Рядом с Россией, к западу, лежат немецкие земли. Теперь это громадное государство – Германская империя, а тогда это было маленькое Прусское королевство. Королевством этим правил король Фридрих Великий. Он всю жизнь свою провел в войнах, защищая и расширяя свое маленькое государство.

Фридрих II Великий

Против него составилась коалиция, к которой примкнула и Россия. Война тянулась семь лет. Наши полководцы не были решительны и потому не подавались далеко в глубь страны и не рисковали сильно наступать на пруссаков. Очень хотелось Суворову попасть на войну, но долгое время ему это не удавалось. Наконец в 1759 году он был назначен дежурным при генерале Ферморе, который командовал русскими войсками. Здесь Суворов не раз получал в командование конные полки. С конными солдатами он смело подступал к неприятелю, узнавал, где и сколько находится пруссаков, и нападал на них.

*Я лучше прусского покойного короля <Фридриха>.
Я милостью Божией батальи не проигрывал.*

Он участвовал во всех набегах наших войск, а в 1760 году ходил на столицу Пруссии – Берлин, который был занят нашими войсками.

В Берлине казаки захватили красивого мальчика. Суворов увидал его и пожалел. Он взял его к себе, заботился о нем во время похода, а когда его полк был расквартирован, он расспросил мальчика, где живут его родители, и, узнав, что у него есть только мать, написал ей следующее шуточное письмо: «Любезнейшая маменька, ваш маленький сынок

у меня в безопасности. Если вы захотите оставить его у меня, то он ни в чем не будет терпеть недостатка, и я буду заботиться о нем, как о собственном сыне. Если же желаете взять его к себе, то можете получить его здесь или напишите мне, куда его выслать». Обрадованная мать, сильно беспокоившаяся о своем сыне, поспешила приехать за ним. Три года провел Суворов на войне. Начальство его узнало и полюбило, ему давали под конец серьезные поручения, и Суворов всегда их лихо исполнял. Но на войне Суворов убедился в том, что наши солдаты обучены не так, как следует, и что для войны нужно обучать солдат иначе. И вот 6 апреля 1763 года тридцатитрехлетний полковник Суворов получил в командование сначала Астраханский, а потом Суздальский пехотный полк. Полк стоял недалеко от Петербурга, в Новой Ладоге. Солдаты тогда служили в полку всю свою жизнь. Молодыми рекрутами поступали они на военную службу, а уходили седыми, дряхлыми стариками. Ружья были кремневые, заряжаемые с дула. Нужно было насыпать в дуло порох, забить шомполом пулю, потом подсыпать пороху под кремень у курка, и тогда только можно было стрелять. Поэтому много стрелять было нельзя, да и пуля летела не далеко – шагов на сто, не больше. Солдат больше обучали палкой и мало толковали им, что и для чего нужно делать. При полку было много солдатских и дворянских детей, которые бродили без присмотра, ничему не обучаясь.

Мую тактику прусские принимают, а свою

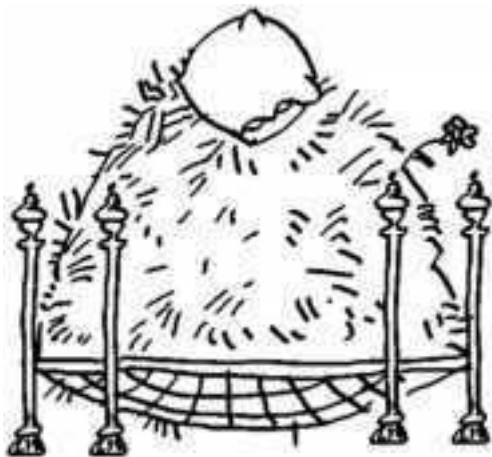
протухлую оставляют.

Живо принялся Суворов воспитывать свой полк. Он построил школу для детей, а на пустыре перед казармами развел сад. Обучать солдат он приказал толково, и сам, постоянно бывая на учениях, всегда повторял: «Первое – храбрость». Стрельба из ружей не могла быть хороша, а потому Суворов и говаривал: «Пуля – дура, штык – молодец». А больше всего он заботился, чтобы у каждого солдата своя голова была на плечах, чтобы мог он делать все с пониманием. И не любил же он, когда на его вопросы ему отвечали: «Не могу знать». «От немогузнайки – большой вред», – говаривал он. Бывало, выведет он свой полк на учения.

Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан.

Начнет делать повороты, потом поводит маршировкой, поучит скорому заряджению и вдруг ударит одной частью на другую в штыки. А сам бежит, мечется. Он все видит, все знает. Он и полковник, он и ефрейтор, он сейчас заметит, где что не так, и поправит. Или начнет делать марш. «Скорее, скорее!» – кричит он солдатам. Шаг становится бойчее. «Молодцами – чудо-богатыри! А ну, хватите-ка песню!» С веселою песнью шибко идут солдаты. Суворов сворачивает их с дороги, идут по пашне, вот захлюпало под ногами болото, впереди река. Никто не знает, какая ее глубина. Но Суворов вошел первый в воду, и пошли за ним его суздальцы, вы-

соко поднимая ружья над головами. Промокли насквозь. Надо согреться. «Бегом, – кричит Суворов, – вон видите монастырские стены, – там наш неприятель. На приступ! Ура!»... Громко закричали суздальцы «ура» и вихрем налетели на стены. Но стены крутые, высокие. Солдаты не знают, как на них влезть. А Суворов уже тут как тут, он первый среди них. «Подсобляй один другому – вот так», – и стен как не бывало. Сколько отмахали в этот день! Да верст шестьдесят! Пора подумать об отдыхе. Где тут отдых! Только заснули, загремел барабан, поднялась ночная тревога, ночью прошли по другой дороге домой. Устали, измучились, зато узнали, как бывает на войне, и убедились, что с Суворовым и война не страшна.

Солдаты его скоро полюбили. Он всегда был среди них. А войдет кто-нибудь к нему на квартиру и что найдет? На полу насыпано сено, на сене подушки и солдатская шинель – это постель Суворова. А ел он то же, что ели солдаты. Вставал до зари и весь день занимался. Дела было много. Нужно было и солдат обучать, и писать для них наставления. Зато не страшна была суздальцам война – они знали, как им быть на войне, знали, что бывает в походе и как надо и ноги беречь, и сухари сберегать на черный день. И не напрасно они изучили все это. Скоро настало время им показать свое суворовское обучение – Россия начала войну с поляками.

В Польше и в Турции.

Взятие Туртукая

В те времена Польша еще не составляла части Русского государства, в ней был свой король, и управлялась она самостоятельно. Однако поляки были между собой не в ладах и не очень почитали своего короля. Нашлись среди них люди, которые захотели возвысить Польшу и унижить Россию, поднялась смута, и поляки напали на русские войска.

Вся Польша покрыта лесом и болотами. Через лес идут небольшие дороги. Неприятель собрался повсюду, каждая деревня, каждый густой лес скрывали в себе поляков. Чтобы разбить их, нужно было действовать быстро и решительно. А такие действия больше всего были по душе Суворову.

Суворов был назначен со своим полком в поход против поляков. Путь в 850 верст от Новой Ладogi до Польши он прошел в 30 дней и подошел к границе. Кругом были мятежники. Суворова вызвали в Варшаву. Он посадил пехоту на повозки и быстро явился к генералу Веймарну, который начальствовал над русскими войсками, бывшими в Польше.

Фельдмаршал Суворов

Поляков было гораздо больше, чем русских, но они действовали недружно, отдельными отрядами. Солдаты их были плохо обучены военному делу. В Варшаве опасались, что поляки нападут на город, слухи об их шайке носились в народе. Генерал Веймарн призвал к себе Суворова и приказал ему разведать, где находятся эти шайки.

Суворов взял своих суздальцев, присоединил к ним нескольких казаков и пошел рыскать по Польше. В иной день больше ста верст пройдут, ночи не проспят, а наткнутся на поляков, и больше ли их, меньше, Суворов всегда разобьет. Его суздальцы были обучены меткой стрельбе. Суворов все им говаривал: «Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко... Мы стреляем цельно, у нас пропадает тридцатая пуля...»

Всюду и везде в этих поисках он был впереди своих солдат: не раз он подвергал свою жизнь опасностям. Так, глухой осенью на железной лодке, называемой понтоном, переправлялся он через Вислу.

Погода была холодная, сильный ветер дул над рекой. Суворов по неосторожности упал с понтона. Его долго не могли вытащить, наконец одному из солдат удалось схватить его за волосы и вытащить из воды. Но, карабкаясь в понтон, Суворов сильно ударился грудью о борт и лишился чувств, кровь пошла у него горлом. Несколько месяцев Суворов хворал, но дела своего не покидал, и с весны опять носился со своим отрядом, разбивая маленькие шайки мятежников. Один раз за 17 суток прошел со своим отрядом 700 верст, да притом так, что двух суток не проходило без боя. Все восхищались его быстротою, но Суворов скромно отвечал: «Это еще что, римляне двигались шибче, прочтите Цезаря...»

Два года с лишним провел Суворов, носясь по Польше и поражая поляков. Но эта война его не удовлетворяла. Ему хотелось идти воевать с хорошо обученными и стойкими войсками, поляки же сражались не храбро. Он мечтал сразиться с турками, которые в это время воевали с нами. Турки были весьма искусны в защите крепостей, и брать их крепости нужно было умеючи. Суворов просился на эту войну, и желание его было исполнено. В мае месяце 1773 года он был назначен в турецкую действующую армию. Силы турок были громадны, наши же войска, бывшие под командой Румянцева, были немногочисленны и никак не могли переправиться через Дунай. Румянцев решил начать войну рядом мелких нападений на турок и приказал Суворову взять небольшую крепость Туртукай, лежавшую на турецкой стороне.

Где меньше войска, там больше храбрых.

Суворов, прибыв к войскам, бывшим близ Туртукая, убедился, что их слишком мало и притом войска были больше конные, неспособные для атаки крепостей. Суворов настойчиво просил подкреплений, но подкреплений ему не давали. Тогда он решился атаковать Туртукай с тем, что у него было.

Он сам выехал в передовые войска и осматривал, как лучше повести атаку на крепость. Устав на этой разводке, он поздней ночью завернулся в шинель и, привязав лошадь подле, заснул на холме, вблизи от турок. Его разбудил конский топот. Светало. В туманной дали виднелись дома и мече-

ти Туртукая. Там гарцевали турецкие наездники. Часть их с поднятыми над головами саблями неслась к спящему Суворову. Он едва успел вскочить на лошадь и ускакать от турок.

День, который провел Суворов под турецким городом, не прошел без пользы. Он знал теперь, что турок в лагере было до четырех тысяч, и понимал, что слабый русский отряд не может взять Туртукай. Но взять было нужно. Этого требовал Румянцев. Для славы русского оружия было необходимо хорошо проучить турок. Целый день Суворов беспокоится о том, что у него мало войск, что пехоты не хватает. Он спешивает часть кавалеристов и учит их сражаться по-пехотному. Штурм города он решает произвести ночью. Как только стемнело, он посадил 600 человек бывшей у него пехоты на 17 лодок и поплыл через Дунай. Турки заметили движение русских и открыли по ним огонь. Суворов разделил свои войска на три части и ударил сам с передней на турецкую батарею. Подле него разорвалась граната, и осколком ударило в бок, но он не покинул своего места.

Он ехал впереди всех и ободрял солдат словами: «Стрелки, – кричал он, – очищай колонны! Стреляй по головам! Колонны, лети через стены на вал! Отворяй ворота коннице! Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо! Недосуг за этим ходить! Спускайся в город, режь неприятеля на улицах! Конница, руби! В дома не ходи, бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел, занимай площадь! Неприятель сдался –

пощада! Стена занята – на добычу!..»

Повелительно звучали эти слова в ночной мгле, и солдаты, прислушиваясь к голосу своего любимого генерала, показывали чудеса храбрости. Туртукай был взят. Сам Суворов был поражен этой удачей.

«Слава Богу, слава вам, Туртукай взят, и мы там», – писал он в донесении к командующему войсками Румянцеву.

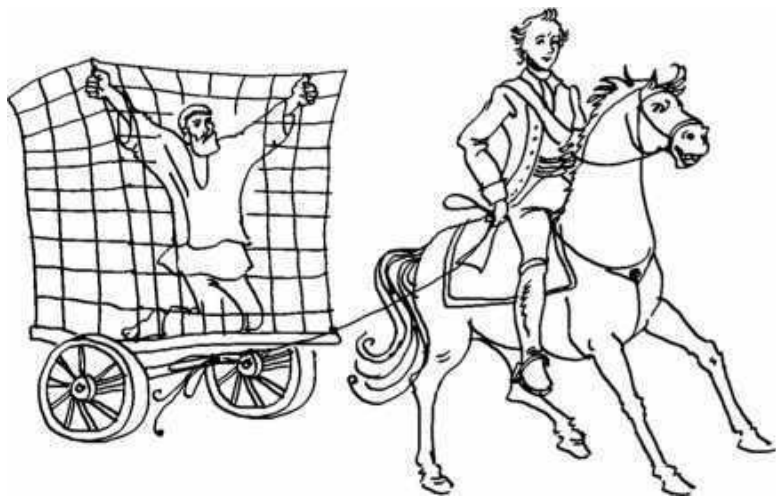
Екатерина II

Но ему недешево далась победа. Раненый бок ныл и болел, ко всему этому присоединилась лихорадка. Он уехал в ближайший город лечиться, но, узнав, что начинаются опять дела и он нужен для новых атак, он вернулся к войскам, хотя ездить верхом не мог. Два солдата водили его под руки в бой, приказания он отдавал тихим голосом офицеру, и тот командовал за него войсками. Но силен был дух в нем. Он помогал преодолевать болезнь и слабость. В конце боя Суворов уже сидел на лошади и направлял войска, куда нужно. Где был Суворов, там была победа, и слава его начинала расти. Никому не известный офицер, он дослужился до видного положения и скоро стал известен императрице Екатерине II...

Истинная слава не может быть оценена: она есть следствие пожертвования самим собою в пользу общего блага.

Усмирение пугачевского бунта. Как Суворов учил солдат

В это время в Заволжском крае появился донской казак Емельян Пугачев. Он называл себя мнимоумершим императором Петром III. К нему стали приставать злоумышленники, и в скором времени по всему Заволжью поднялся мятеж. Разбойники нападали на помещичьи усадьбы, жгли их, вешали хозяев, а крестьян, которые не соглашались идти с ними разбойничать, заковывали в цепи. Мятеж дошел до такой степени, что нужно было посылать войска. Войска эти должны были двигаться весьма быстро, чтобы настичь мятежников и поймать самого Пугачева. Вот тут-то и вспомнили про Суворова.

Быстро собрался Суворов в путь и налегке примчался на Волгу. Пугачев, уже раньше расстроенный русскими войсками, под командой Михельсона, ушел за Волгу. Но это не остановило Суворова. С небольшим отрядом переправился он в киргизские степи и бросился в погоню за Пугачевым. У его солдат не было хлеба – Суворов приказал убить быков, посолить и засушить их мясо на огне и заменять им хлеб. Он шел днем и ночью. Шел без дорог. Днем определяли путь по солнцу, ночью шли по звездам. Но как ни торопился Суворов, нагнать Пугачева ему не удалось. Он был в 50 верстах от ночлега разбойников, когда узнал, что товарищи Пугачева изменили ему и, связав, выдали его полковнику Симонову.

Суворов нашел его в цепях. Он приказал сделать громадную клетку и в этой клетке на крестьянской подводе повез Пугачева. Но разбойник очень волновался в клетке, тогда пришлось его посадить вместе с 12-летним сыном его на телегу и везти, связанного по рукам и по ногам. Суворов неотлучно находился при этой телеге и стерег разбойника, так как у Пугачева были товарищи, которые могли его освободить.

Неутомимость Суворова была выше сил человеческих, и начальство его не оставило. Теперь всюду, где нужны были решительность и быстрота, вызывали Суворова. Его послали умирять башкиров, волновавшихся на юге, ему давали все трудные поручения, связанные с большими передвижениями.

Но южный край был умиротворен, и Суворову нечего было делать там, а без дела он скучал и просил, чтобы ему опять дали солдат в командование.

Наконец в 1786 году он получил в командование войска, расположенные в Кременчуге. Он опять сошелся с солдатами, которых любил больше всего, и опять стал готовить их для войны.

Он заботился и об одежде, и о выучке солдат, и дивизия его представилась императрице в образцовом порядке. Императрица обратила внимание и на небольшого седого уже генерала, который ею командовал. Но еще негде было развернуться Суворову во всей его славе. Ему нужны были войны.

Как легко кажется на первый взгляд — быть генералом и командовать войсками! А между тем военное дело — едва ли не самое трудное. В пылу боя, когда кругом падают убитые и раненые, взрываются гранаты и свищут пули, нужно отдавать приказания и угадывать, куда хочет кинуться противник или где он ослабел. Нужно приучить солдат к своему голосу, нужно заставить их так полюбить себя, чтобы они всюду шли по одному приказанию. Когда все волнуются и бегут, когда кругом льется ручьями кровь, надо говорить так спокойно, как будто бы это было в хорошем саду в ясную погоду и далеко от войны. А это не легко дается. Не всякий бывает спокоен в решительные минуты, не всякий может успокоить солдат.

Суворов мог это сделать. Он не боялся смерти, он был храбр. Солдаты любили его и верили в него, и учил он их так, что ни большие переходы, ни турецкие пули не казались им страшны. Задумаются солдаты, а он станет шутить с ними, споет им песню, заговорит о родной деревне, глядишь – и незаметно под шутки своего генерала солдаты отмахают верст десять и не устанут.

Другой раз на походе присядет Суворов к солдатскому котлу поесть с солдатами их щей и каши, да еще и похвалит. «Помилуй Бог, – скажет он, – как хорошо!»

И от похвалы этой солдатам покажется, что и действительно хороши их щи и вкусна их каша, и веселее станет им на

привале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.